

Зезегова Ольга Ивановна

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ УЧЕНЫХ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ "РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ")

В статье на основе комплексного изучения опубликованных и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются стратегии выживания учеников представителей "русской исторической школы" в условиях смены общественно-политического строя и социально-культурных сдвигов, вызванных событиями октября 1917 года: неудавшаяся попытка сохранения либеральных традиций, эмиграция, отказ от научной деятельности, конформистское принятие марксистской методологии, которое, однако, не гарантировало успешной научной карьеры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 62-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

16. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 216 с.
17. Национальный состав населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 166 с.
18. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1970. 606 с.
19. Сулова С. В. Традиционная одежда приуральских татар середины XIX – начала XX века: к проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в приуральском районе // Приуральские татары. Казань: Казанский научный центр ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1990. 118 с.
20. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.

ETHNIC SPECIFICITY OF SAMARA REGION PEOPLES' ORNAMENTAL CULTURE

Elena Sergeevna Zharenkova

Department of Geography

Ul'yanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ul'yanov

algo@bk.ru

The author presents the specificity of the national ornament of Samara region various ethnic populations, conducts the analysis of archival materials and the physical prototypes of the research, and reveals the general and specific features in the ornamental culture of indigenous ethnic groups within the region: the Russians, Tatars, Mordovians, and Chuvashes.

Key words and phrases: ethnic specificity; ornamental culture; kinds and types of ornament; historical-cultural and interethnic interaction.

УДК 93/94

В статье на основе комплексного изучения опубликованных и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются стратегии выживания учеников представителей «русской исторической школы» в условиях смены общественно-политического строя и социально-культурных сдвигов, вызванных событиями октября 1917 года: неудавшаяся попытка сохранения либеральных традиций, эмиграция, отказ от научной деятельности, конформистское принятие марксистской методологии, которое, однако, не гарантировало успешной научной карьеры.

Ключевые слова и фразы: «русская историческая школа»; историография; историки; адаптация; А. М. Ону; В. А. Мякотин; В. А. Бутенко; И. Л. Попов-Ленский; Н. П. Соколов; Я. М. Захер; В. В. Бирюкович; П. П. Щеголев; Е. Н. Петров; А. А. Матвеева-Леман; С. М. Глаголева-Данини; М. А. Буковецкая.

Ольга Ивановна Зезегова, к. ист. н.

Кафедра истории, политологии и социологии

Сыктывкарский государственный университет

oizezegova@mail.ru

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ УЧЕНЫХ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ «РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»)©

Культурно-антропологический поворот в истории привел к изучению повседневности и исследовательской лаборатории интеллектуалов, особенно в переломные эпохи. В эпицентре поворотного момента в силу исторических событий оказались ученики петербургских профессоров – представителей «русской исторической школы»: А. М. Ону (1867-1937) [2], В. А. Мякотин [15], В. А. Бутенко (1877-1931) [16], И. Л. Попов-Ленский (1893-1931), Н. П. Соколов (1890-1979) [17], Я. М. Захер (1893-1963) [14], В. В. Бирюкович (1893-1954) [11], П. П. Щеголев (1903-1936) [12], Е. Н. Петров (1888-1942?), А. А. Матвеева-Леман [10], С. М. Глаголева-Данини (1884-?) [13], М. А. Буковецкая (1888-1946) [8].

Для молодых либеральных историков и крупнейших представителей «русской исторической школы» Н. И. Кареева, И. В. Луцицкого, Е. В. Тарле были характерны «одинаковые идеи, чувства и способ жизни», а нахождение «в одинаковых физических, моральных и интеллектуальных условиях при встрече с важными фактами и событиями» [19, с. 53] определило использование схожих поведенческих стратегий.

Первоначально события 1917 года привели к минимизации творческой деятельности. Опубликовав свои первые научные работы в русле либеральной методологии, в 1917-1920 гг. молодые историки притаились в ожидании, которое было вызвано не столько невозможностью публиковаться, сколько изменившимися условиями жизни. Бытовая повседневность академической среды была сведена к вопросам выживания и борьбы за существование. В дневниках В. В. Бирюковича при описании внешнего облика интеллигента рисуется ужасающая картина нищеты и отчаяния: «Когда общаешься с людьми и людьми интеллигентными (профессора, учителя и т.д.), невольно мне на ум приходят образы Джека Лондона... Чем полна душа современного образованного человека: жаждой продолжить свое существование, жалкой боязнью за свою жизнь, заботой о хлебе, готовностью всему подчиняться, пожертвовать и поступиться всем, что было для него свято, ради

того, чтобы спастись, спастись какой угодно ценой. И этот несчастный с опустошенной душой, видящий в каждом из своих ближних не сотрудника в общей работе, а врага, соперника на жизненном узком пути, этот человек, уже наполовину покрывшийся шкурой животного, все же исполняет культурную работу, все же поддерживает иллюзию обычных отношений культурной жизни» [4].

Научная жизнь оживляется в 1922 г., когда последователи «русской исторической школы» объединяются вокруг журнала всеобщей истории «Анналы», редактором которого стал Е. В. Тарле. К выходу третьего номера журнала С. И. Тхоржевский написал стихи:

В наше время
Как ни горек
Русских авторов удел,
Но всеобщнейший историк
Всех «Анналами» задел:
Ряд талантов смог привлечь,
Дам увлечь и всех заперечь [27, с. 42].

Ученики историков «русской школы» были привлечены к участию в этом журнале: публиковали исторические и историографические статьи, рецензии. Одновременно появляются неформальные кружки: молодые ученые в возрасте 25-35 лет по приглашению Тарле по средам посещали его «салон», по пятницам собирались на квартирах участников «Кружка молодых историков», участвовали в семинарии Н. И. Кареева.

Однако попытка сохранить либеральные традиции научного и неформального общения в стремительно меняющейся действительности не удалась:

На беду
Здесь вмешалось ГеПеУ [Там же, с. 43].

Действительно, социально-гуманитарные науки все ошутимее начали испытывать на себе давление со стороны власти, что нашло отражение в критике журнала «Анналы» [9], арестах участников «Кружка молодых историков» [27], развертывании «Академического дела» [1]. Большинство ученых после разбирательств было отпущено, но не все: С. М. Данини была приговорена к пяти годам ссылки в Черевковский район [27, с. 70], В. А. Бутенко, приговоренный к десяти годам лишения свободы, погиб на строительстве Беломоро-Балтийского канала [16].

Вновь историки оказались перед нелегким выбором поведенческих стратегий. Первый вариант, который рассматривался и ранее, – внешняя эмиграция. Известно, что Бирюкович обсуждал возможность отъезда из страны с Кареевым, но «они решили остаться в России, что бы ни происходило» [3]. Воспользовались этой стратегией в силу разных обстоятельств А. М. Ону и В. А. Мякотин. А. М. Ону с семьей в октябре 1917 г. находился в Лондоне, куда был направлен Генеральным консулом от Временного правительства, а В. А. Мякотин, активно боровшийся с большевизмом в качестве руководителя Союза Возрождения России, был приговорен к смертной казни, но благодаря заступничеству В. Г. Короленко получил возможность выехать за границу [18, с. 314]. Многие историки расценивали эмиграцию как осуждение себя «на пожизненное одиночество» [7, с. 96]. Действительно, отъезд за границу российской интеллигенции сопровождался нуждой, поисками работы, постоянными переездами и затруднениями в занятии научной деятельностью [22]. А. М. Ону, например, в эмиграции проявляет себя, прежде всего, не как историк, а как публицист и мемуарист.

Вторая стратегия – смена вида деятельности. Эта вынужденная поведенческая модель была использована женской частью петербургской школы историков. С. М. Данини после возвращения в Ленинград предпочла сменить вид деятельности, устроившись в библиотеку АН. Наши сведения о С. М. Глаголевой-Данини, А. А. Матвеевой-Леман здесь обрываются, дата их смерти также не установлена. М. А. Буковецкая после длительных поисков работы в 1930-х гг. стала сотрудником Государственной публичной библиотеки. Работа в качестве библиографа и систематизатора позволяла женщинам-историкам оставаться в курсе всех научных изысканий своих коллег, но вернуться в «большую науку» удалось только М. А. Буковецкой, защитившей кандидатскую диссертацию в 1945 г. (за год до своей смерти) [6].

Третья стратегия – принятие марксистской методологии. Изучение социально-экономической истории позволило признать доминирующую методологию достаточно быстро. Ученые были подготовлены к принятию марксистского понимания истории, поскольку их учителя не чуждались идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Н. И. Кареев в одном из писем признавался: «Многие его (К. Маркса – О. З.) взгляды отразились и на моих исторических высказываниях» [21, с. 168]. Докторская диссертация Е. В. Тарле [25] была посвящена рабочему классу во Франции в эпоху революции. Кроме того, принятие новых правил игры сулило определенные дивиденды: поездки за границу для работы в архивах (в 1927-1928 гг. Я. М. Захер и П. П. Щеголев получили возможность поработать во французских архивах), личный шофер, высокие должности. Известный историк А. А. Чернобаев вспоминает о В. В. Бирюковиче: «У него была служебная машина «Победа» и личный водитель; после ухода В. В. из Военно-политической академии, где он был начальником кафедры, водитель продолжал работать у Бирюковича» [26].

Следует отметить, что в тот период времени ученые степени магистра и доктора были отменены, и молодым ученым, проявившим себя на педагогическом поприще, присваивались ученые звания доцента и профессора. Почти одновременно получили звание доцента В. В. Бирюкович, П. П. Щеголев, Е. Н. Петров. Ранняя смерть не дала возможности в полной мере реализоваться как научным работникам И. Л. Попову-Ленскому, П. П. Щеголеву. В январе 1936 г. Ученый совет исторического факультета ЛГУ принял решение о присуждении Е. Н. Петрову ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации [24]. В 1939 г. В. В. Бирюкович представил в Диссертационный совет Военно-политической академии в Москве свою работу «Французский абсолютизм и финансисты в XVII в. (1622-1634)» [5] для получения докторской степени. В декабре 1943 г. в Казанском государственном университете Н. П. Соколов блестяще защитил кандидатскую

диссертацию, посвященную взглядам французского историка А. Р. Ж. Тюрго, а в 1954 г. в Ленинграде – докторскую диссертацию, которая через десять лет была издана в Саратовском государственном университете [23].

Однако считать, что это была «большая сделка» между властью и учеными [20], наверное, не стоит, поскольку попытки конформизма сопровождались перманентными гонениями. Н. П. Соколов в 1938 г. подвергался аресту, Я. М. Захер в 1940 г. был осужден по ст. 58 и пробыл 13 лет в лагере политзаключенных Богучаны [14]. В 1952 г. начало раскручиваться «дело Штейна-Бирюковича», благополучный исход которого был связан со смертью Сталина.

Подводя итог, следует отметить, что ни одна из предложенных новыми реалиями стратегий не была безоговорочно успешной. Отъезд из страны сопровождался серьезными бытовыми трудностями и невозможностью реализоваться в полной мере как ученому-историку. Второй вариант влек забвение. Лишь немногие из вступивших на третий путь ученых смогли защитить докторские диссертации, однако статьи и монографии по всеобщей истории и эпохе Великой Французской революции и по сей день сохраняют актуальность.

Список литературы

1. Академическое дело 1929-1931 гг. СПб.: Библиотека РАН, 1998. Вып. 2. Ч. 2. 387 с.
2. Афанасьева Ю. С. Исторические взгляды А. М. Ону (1865-1935): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 28 с.
3. Белявская И. А. Письмо В. П. Золотареву от 11 марта 1996 г. // Личный архив В. П. Золотарева.
4. Бирюкович В. В. Дневниковые записи. 8 ноября 1918 г. // Личный архив О. И. Зезеговой.
5. Бирюкович В. В. Французский абсолютизм и финансисты в XVII в. (1622-1634) // Архив СПб ИИ РАН. Архив А. Д. Люблинской. Оп. VIII. Папка № 6.
6. Буковецкая М. А. Очерки по истории французской армии во время Великой французской революции (1789-1793): дисс. ... канд. ист. наук // ОД РГБ. Л. д. № 46277.
7. Веселовский С. Б. Дневники 1915-1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 8.
8. Вольфцун Л. Б. М. А. Буковецкая – историк Французской революции // Всеобщая история и история культуры: петербургский историографический сборник. СПб.: Лики России, 2008. С. 217-226.
9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М. – Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931. 232 с.
10. Зезегова О. И. Женщины-историки «Ecole russe» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 337-345.
11. Зезегова О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 191 с.
12. Зезегова О. И. П. П. Щеголев: личное и публичное // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX-XX вв. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 90-95.
13. Зезегова О. И. С. М. Глаголева-Данини – историограф и историк Французской революции // Частное и общественное: гендерный аспект. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 538-541.
14. Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 180-204.
15. Йогансон Е. Н. В. А. Мякотин – историк и политик: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. 229 с.
16. Клестова С. Л. Историческая концепция В. А. Бутенко: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000. 21 с.
17. Кузнецов Е. В., Меженин В. М. Николай Петрович Соколов (1890-1979) // ГГУ: выдающиеся ученые. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 126-136.
18. Лазарев Я. А. В. А. Мякотин: историк, забытый революцией // Историк и его эпоха. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2009. С. 313-317.
19. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2. С. 53-54.
20. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
21. Письмо Н. И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» и его отношение к К. Марксу и марксизму // Исторический архив. 2002. № 6. С. 168-175.
22. Соколов М. Семья и судьба В. А. Мякотина [Электронный ресурс]: интервью с Е. В. Мякотиной-Каплан. URL: www.svobodanews.ru/content/transcript/410302.html (дата обращения: 04.10.2010).
23. Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Саратовский государственный университет, 1963. 546 с.
24. Соломонов А. В. История ИИиМО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/history/step2.php> (дата обращения: 03.05.2012).
25. Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции: исторические очерки. СПб.: Слово, 1909-1911. Ч. I-II.
26. Чернобаев А. А. Письмо В. П. Золотареву от 25 октября 2001 г. // Личный архив В. П. Золотарева.
27. *In memoriam*: исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. – СПб.: Феникс-Atheneum, 1995. 450 с.

SURVIVAL STRATEGIES OF SCIENTISTS DURING CRITICAL EPOCH (BY THE EXAMPLE OF DESCENDANTS OF “RUSSIAN HISTORICAL SCHOOL”)

Ol'ga Ivanovna Zezegova, Ph. D. in History
Department of History, Political Science and Sociology
Syktyvkar State University
oizezegova@mail.ru

Basing on the complex review of published and archival sources introduced into scientific circulation for the first time the author considers the survival strategies of “Russian Historical School” representatives’ followers under the conditions of changing social-political system and social-cultural progress caused by the events of October 1917: failed attempt to save liberal traditions, emigration, recession of scientific activity, conformist acceptance of Marxist methodology, which, however, did not guarantee successful academic career.

Key words and phrases: “Russian Historical School”; historiography; historians; adaptation; A. M. Onu; V. A. Myakotin; V. A. Butenko; I. L. Popov-Lenskii; N. P. Sokolov; Ya. M. Zakher; V. V. Biryukovich; P. P. Shchegolev; E. N. Petrov; A. A. Matveeva-Leman; S. M. Glagoleva-Danini; M. A. Bukovetskaya.